

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Ранее книга выходила под названием
«Загадка старого имения»

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Блондинка», 1869 г., художника
Фредерика Лейтона (1830–1896).

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Гадание на любовь : [роман] / Елена Ар-
сеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-100202-2

Ах, как тяжело юной Липушке выбрать между двумя молодыми людьми! Один — давно знакомый помещик Николаша Полуниин, другой — роковой брюнет Жорж Ской. Кому из них отдать свою руку, сердце и богатое приданое? Скорее раскинуть карты, найденные в кабинете покойного батюшки, и погадать на любовь! Гадалка имеется — приехавшая в имение Александра Хорошилова. Мало того, что она очаровала наивную Липушку, так еще и назвалась ее единокровной сестрой! Хорошо, что нянька Зосимовна стоит на страже интересов воспитанницы и не даст ее в обиду — ведь, похоже, девица пытается завладеть вниманием Липушкиных кавалеров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100202-2

© Арсеньева Е. А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«Барин» (туз черв), или «Бланка», карта спрашивающего, если он мужчина. Когда гадают женщине, означает партнера (например, супруга). Может, впрочем, означать и отца или сына. Оказавшись в одном из крайних рядов, вертикальном или горизонтальном, означает приближение крупных жизненных перемен.

«Книга Французской Сивиллы»

Глава 1
ПРИБЫТИЕ
НЕЗНАКОМКИ

Удным майским днем 18... года по утоптаным дорожкам старого сада, окаймленным первой, свежей, яркой, совсем еще не доросшей до косьбы травой, бежала девушка лет восемнадцати, одетая с той небрежной простотой, которую позволяют себе наши уездные барышни, уверенные в том, что гостей нынче не будет, а значит, можно позволить себе не изошряться с нарядами. На ней было зелененькое барежевое¹ платьице, в котором эта светловолосая девушка и сама казалась цветком, подобием тех одуванчиков,

¹ Бареж — сорт легкой, полупрозрачной шелковой ткани. Бареж в начале XIX века был одной из самых дорогих тканей, пока для его изготовления не стали использовать отходы прядения, соединяя шелковые, шерстяные или хлопчатобумажные нити. Название происходит от французского города Бареж, где она была изобретена (*здесь и далее примечания автора*).

которые там и тут росли в траве под деревьями.

Сад был полон птичьим щебетом, пронизан солнечными лучами, осенен голубым, ясным небом, благоухал свежестью и первым яблоневым цветом, и все здесь являло картину самого радостного бытия... Все, кроме лица девушки. Его нежные, милые черты были омрачены тревогой. В руке девушка держала распечатанное письмо, изредка взглядывая на четкие резким, острым почерком написанные строки, и тогда еще пуще беспокойство выражалось на ее лице, а взгляд пугливо обегал окрестности, словно ей чудилось, будто за каждым деревцем или кустиком таится опасность.

Девушка выскочила из-под деревьев на просторную поляну, за которой находился барский дом — одноэтажный, но на высоком фундаменте, с двумя флигелями по обе стороны фасада, выдержанный во вкусе истинно русского «деревенского классицизма», при котором дворяне наши сельские изощрались деревянным, оштукатуренным и покрашенным в желтый и белый цвет строениям придавать внушительный вид и благородные пропорции, — и со всех ног бросилась к крыльцу, на котором был накрыт к чаю стол, а рядом

с беспокойным видом похаживала женщина, одетая по-старинному — в сарафане, простом летнике и в повойнике. Впрочем, при появлении девушки она немедленно приняла внушительное, строгое выражение и сказала:

— Зачем бегать так-то?! Сколько раз говорено!

У нее было полное, румяное лицо сорокапятилетней женщины, еще не утратившее красоты и некоторой свежести, однако его весьма портили густые, сросшиеся у переносицы брови и пронзительные черные глаза. И даже при взгляде на девушку они не смягчились, как если бы перед ней был провинившийся ребенок, а не взрослая барышня.

— Извольте руки мыть, Олимпиада Андреевна, да за стол скорей. Пышки небось простыли уже, — сказала она с укоризною, но осеклась, только сейчас обратив внимание на письмо, которое сжимала девушка. Мгновение смотрела на него с хищным выражением, а потом протянула: — А э-э-это еще что такое?!

— Зосимовна, — проговорила та, которая была названа Олимпиадой Андреевной, хотя гораздо более пристало бы ей ласковое имя Липушка... к слову, именно так ее и звали покойные родители, а оттого и мы станем

называть именно так, как бы ни изощрялись строгая нянька, почтительные слуги или вежливые соседи, — Зосимовна, со станции почту привезли¹. Я как раз около ограды была, меня мальчишка окликнул и письмо передал. Зосимовна, это от нее письмо! Она ответ написала! Она едет! Она здесь будет не нынче, так завтра!

Черные брови Зосимовны так и столкнулись у переносицы, выражая суровое недовольство, но тут же лицо приняло равнодушное выражение:

— Не пойму, о чем вы лопочете, барышня. Кто такая она? Куда едет? Откуда? Какой-такой мальчишка и что за письмо он вам отдал?!

— Разве ты не видишь? — Липушка нетерпеливо сунула ей бумагу, которую держала в руке. — Александра Даниловна едет! Ну, мадемуазель Хорошилова, та самая, о которой перед смертью говорил батюшка! Которой и он

¹ Имеется в виду не железнодорожная, а почтовая станция. На таких станциях, устроенных на расстоянии около двухсот верст одна от другой, проезжающие отдыхали или меняли лошадей; сюда же доставлялась почта для окрестных жителей, которую забирали они сами, а иногда почта развозилась станционными слугами.

писал, и я написала сразу после его кончины, а она все не отвечала! И вот ответила! И едет!

— Откуда вы это письмо взяли, Олимпиада Андреевна? — быстро спросила нянька. — Кто вам его передал?

— Или ты оглохла? Да говорю ж тебе — мальчишка! — с досадой ответила Липушка. — Деревенский какой-то, белобрысый... а, вспомнила! Это Федотка, сын кузнеца. Да-да, помню, как мы с Николашей Полуниным катались, а у моей Незабудки расшаталась подкова, и мы остановились около кузни, а этот Федотка нам квасу напитокя приносил, а квас оказался кисловат, и Николаша сказал, что не квас это, а сущая татарская буза, и Федотка обиделся, заревел и начал ныть, барин-де басурманами их называет, коли говорит, будто их квас — это буза татарская. А Николаша...

— Погодите, барышня, — бесцеремонно прервала Зосимовна, и выражение простодушного, самозабвенного оживления, которое вошло на лицо Липушки, когда она вспоминала об этом эпизоде, а особенно — когда произносила имя неведомого Николаши, мигом угасло. — Как письмо к этому Федотке попало?

— Да почтальон передал, как еще? — пожала плечами Липушка. — Там целый пакет

был газет, которые еще батюшка выписывал, но от которых мы никак не можем отписаться, мною заказанные журналы, альманахи, книжки... Все это Федотка должен вот-вот в дом принести, он в обход пошел, вокруг забора, а я как письмо увидела, так схватила его — ну как было удержаться, к нам же никто давным-давно уже, с тех пор как батюшка скончался, не пишет, — прочитала — и мигом напрямик, через сад. Так я Федотку и обогнала... А вот и он идет, — указала она на мальчишку, входящего в ворота со стороны большой дороги и несшего в охапке объемистый рогожный мешок — из тех, в каких отправляют многочисленную почту, направленную по одному адресу.

Был мальчишка белобрыс, веснушчат, босоног, одет в домотканую одежду и мало чем отличался от прочих своих деревенских сверстников. Правда, выражение его синеглазой физиономии было весьма смышленное и даже лукавое. Впрочем, при виде сурово сошедшихся бровей Зосимовны он сбавил шаг и начал сбиваться с ноги. Вид его сделался озабоченным и виноватым. Однако это произошло не потому, что он на самом деле чувствовал за собой провинность. Просто в присутствии строгой няньки, по сути дела — до-

моправительницы и, после смерти барина, управительницы имения, всякий из протасовских крестьян начинал ощущать себя виновным во всех смертных и несмертных грехах и в любую минуту мог ожидать от нее наказания, всегда сурового и никогда не отменявшегося даже прежним господином, тем паче — робкой барышней.

— С каких это пор ты, Федотка, почтальоном заделался? — сурово спросила Зосимовна. — А Савелий где же?

— Да там, у реки, на мостках. Там девки столовое белье полощут. Савелий и задержался с Агашей поболтать, — простодушно пояснил Федотка. — Увидел меня и говорит — на-ка вот тебе, держи-ка, снеси к Зосимовне почту. Да гляди, говорит, неси бережней, мешок вон разошелся. — В подтверждение своих слов Федотка показал барышне и Зосимовне порванный край рогожки. — И только он это сказал, как из прорехи возьми да и выпادي письмо. Савелий глянул — он же грамотен! — и говорит: ага, это барышне, вишь, написано: г-же Протасовой Олимпиаде Андреевне в собственные руки, — его в мешок не клади, не то снова вывалится... Я письмо за пазуху сунул, пяток шагов прошел — гляжу, барышня за оградой гуляет. Ну, я и отдал

письмо ей в собственные руки, как там написано.

— Тебе велено было почту кому нести? — спросила Зосимовна, приподнимая брови, от чего они зашевелились, как две черные гусеницы, готовые вползти под темный ее повойник.

— Тебе, Зосимовна, — отозвался Федотка, глядя исподлобья.

— А ты кому понес, щенок?

— Зосимовна, ты что? — удивилась Липушка. — За что ты на него гневаешься? Письмо мое, что ж такого?

— Ах так! — подбоченилась Зосимовна. — Ваше, значит? Так чего ж вы с этим письмом ко мне бежите, чего жалуетесь? Сидите с ним, если оно ваше, и сами думайте, что дальше делать и как теперь быть!

И она с самым сердитым видом ушла в дом.

Липушка ошеломленно захлопала глазами.

Федотка постоял-постоял, потом опустил на траву мешок, держать который ему было, видимо, уже невмочь, и сказал:

— Слышь-ка, барышня Липидада Андревна... Вроде бы на деревне говорят, ты теперь наша хозяйка, ну, с тех пор как барин помер?

— Конечно, я, а кто ж еще? — непонимающе посмотрела на него Липушка.

— А коли так, чего ж ты позволяешь Зосимовне над тобой измываться?! Меня тятенька, бывает, выпорот за ослушание, мамка зашину даст, но чтоб нарочно измываться... Где ж на белом свете такое видано? Забылась Зосимовна, что ль?

У Липушки повлажнели голубые глаза, однако она вскинула голову и дрожащим голосом проговорила:

— Как ты смеешь, Федотка, мне такое говорить? Говоришь, Зосимовна забылась, а сам-то?

— Эх, барышня! — глубоко вздохнул Федотка. — Я ж тебя жалею, а Зосимовна — нет. Глядишь, она тебя со свету сживет и сама в Протасовке засядет владычицей. Тут-то нам всем и придет мертвый конец.

Он жалобно шмыгнул носом и, повернувшись к Липушке спиной, побрел к воротам, понурясь и загребая ногами.

Липушка растерянно смотрела ему вслед, потом вдруг крикнула возмущенно:

— Да как ты смеешь! Да ты ничего не понимаешь! Да ты ничего не знаешь! Нет, ну как ты смеешь-то, а?! Да кабы вы знали... кабы вы все знали! Ну почему, почему все меня только ругают и никто не хочет понять?! Да неужели нет у меня на всем свете ни единого друга, который подал бы мне помощь?!